

МРНТИ
11.15.23

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Татьяна Шендик

Заместитель директора Белорусского института стратегических исследований, кандидат политических наук (Минск, Беларусь)
E-мейл: shendik@bistr.by

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-4.02>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с общественно-политическими последствиями цифровой трансформации общества, в частности, эволюционного развития политических партий. Раскрывая общие тенденции такой трансформации, автор, на основе анализа трудов теоретиков постиндустриализма, в качестве основных ориентиров для партийного строительства определяет: беспрецедентное развитие науки и технологий, влияние символического знания на систему распределения власти; возрастающую роль информационных потоков, диверсификацию форм передачи информации; демассификацию общества и его сетевую организацию; разрушение прежних идентичностей, размывание классов и социальных групп; деконструкцию идеологий, их трансформацию в прикладные политические технологии; перенос политической активности на интернет-платформы и в медиaprостранство.

С учетом воздействия данных факторов, на основе методологии сравнения политических партий, предложенной К. Джандой, изложен собственный взгляд автора на особенности институционализации, проблемной ориентации, социальной поддержки, организационной сложности, централизации власти, автономии, согласованности, вовлеченности, стратегии и тактики, правительственного статуса политических партий постиндустриального общества.

Ключевые слова: *постиндустриальное общество, партийное строительство, политическая партия, цифровая партия, сетевая коммуникация, облачная демократия*

ПОСТИНДУСТРИАЛДЫ ҚОҒАМ: ПАРТИЯЛЫҚ ҚҰРЫЛЫС БАҒДАРЛАРЫ

Татьяна Шендик

Беларусь стратегиялық зерттеулер институты директорының орынбасары,
саяси ғылымдарының кандидаты (Минск, Беларусь) E-mail: shendik@bisr.by

Аңдатпа. Мақала қоғамның цифрлық трансформациясының әлеуметтік-саяси салдарларына, атап айтқанда, саяси партиялардың эволюциялық дамуына қатысты мәселелерді қарастыруға арналған. Өртүрлі факторлардың әсерін ескере отырып, К.Джанда ұсынған саяси партияларды салыстыру әдістемесіне сүйене отырып, автордың институционализация ерекшеліктеріне, проблемалық бағыттылығына, әлеуметтік қолдауына, ұйымдық күрделілігіне, биліктің орталықтандырылуына, автономиясына, стратегиясы мен тактикасы, мемлекеттік мәртебесі қатысуы постиндустриалды қоғамның саяси партиялары бірізділігіне қатысты өзіндік көзқарасы берілген.

Түйін сөздер: *постиндустриалды қоғам, партиялық құрылыс, саяси партия, цифрлық партия, желілік коммуникация, бұлттық демократия*

POST-INDUSTRIAL SOCIETY: REFERENCES FOR PARTY CONSTRUCTION

Tatyana Shendik

Deputy Director of the Belarusian Institute of Strategic Research, Candidate of Political Sciences, e-mail: shendik@bisr.by

Abstract. This article focuses on the issues related to the socio-political consequences of digital transformation of society, in particular, the evolutionary development of political parties. To reveal the general trends of such transformation, the author bases her thesis on the analysis of post-industrial theorists, and sets out the following basic guidelines for party building: unprecedented development of science and technology, influence of symbolic knowledge on the system of power distribution; increased role of information flows, diversification of information transmission forms; demassification of society and its network organisation; destruction of former identities, erosion of classes and social groups; deconstruction of ideologies, their transformation into applied political technologies; shift of political activity to Internet platforms and media space.

Considering the impact of these factors, and using the methodology of comparing political parties proposed by K.Janda, the author sets out her view on the features of institutionalisation, problem orientation, social support, organisational complexity, centralisation of power, autonomy, coherence, involvement, strategy and tactics, governmental status of political parties in post-industrial society.

Keywords: *post-industrial society, party building, political party, digital party, network communication, cloud democracy.*

Введение

В ходе совещания по вопросам деятельности политических партий в Беларуси в апреле 2021 года Глава белорусского государства А.Г. Лукашенко справедливо отметил: *«Закон, регулирующий деятельность политических партий, должен обеспечивать решение всех вопросов, которые уже возникли и которые могут возникнуть в будущем»* [1].

Между тем, содержание дискуссии, которая ведется на различного рода площадках, показывает, что подавляющие рассуждения о роли и месте политических партий в современном обществе, не то, чтобы не раскрывают закономерности их актуального состояния в мире, а нередко апеллируют к представлениям о массовых партиях индустриального общества с классическим набором функций. В этих представлениях партия, как правило, является хорошо структурированной, иерархически выстроенной, идеологизированной организацией с четким позиционированием в спектре «левые – правые», выражающей политическую волю того или иного класса. Как структурный элемент демократической политической системы такие партии выполняют функции политической социализации и рекрутирования, артикуляции и агрегирования интересов, политической коммуникации, электоральную и стабилизирующую общество функции. Это соответствует взглядам классиков партологии М. Острогорского, М. Дюверже, З. Нойманна и раскрывает идеологический (Э. Бёрк), организационно-структурный (Р. Михельс, М. Дюверже), функциональный (Д. Сартори), социально-классовый, марксистско-ленинский, интегративный (Дж. Лапаламбар, М. Вайнер) и их методологии анализа специфики партии.

Вместе с тем, та же самая академическая традиция также связывает функциональную и организационную динамику политических партий с изменениями в обществе. В этом смысле политическая партия – один из самых динамичных субъектов политики, который находится в состоянии перманентной трансформации. Это продукт общества, в котором она возникает и развивается. Что, очевидно, затрудняет в настоящее время разработку общей теории партий в политической науке.

Методы исследования

В ходе проведения исследования применялись общенаучные методы анализа и синтеза, а также институциональный, системный и синергетический подходы, методы сравнительного исторического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Эволюция форм партийной организации

Со времен промышленной революции мир существенно изменился. Массовое производство породило общество изобилия и потребления, что благоприятствовало снижению социальной дифференциации и разъединенности, а процесс секуляризации политики в то же время стал причиной падения значимости идеологий и смягчения религиозных практик. Граждане открывали для себя свободу от прежних традиционных лояльностей, их вовлеченность в политику и особенно в партийную активность ослабевала, фиксировалась эрозия массовых партий. Продуктом заката индустриального общества стало развитие всеохватывающих (catch-all) партий (О. Киркхаймер), своего рода мультивекторных объединений, которые предлагают избирателям разнообразное «политическое меню».

В современном индивидуализированном постиндустриальном обществе возникают «постмодернистские» представления о политических партиях и даже сами такие политические партии. Осмысливая данные тенденции партологи современности определяют: «профессионально-электоральные» партии (А. Панебьянко), «франшизные партии» (Карти), «картельные партии» (Р. Кац, П. Мэйр), «государство-центристские партии» (П. Игнаци), медиа-партии (К. фон Бойме), цифровые партии (П. Гербаудо) клиентеллистские партии, партии-предприятия и др.

В следствие трансформации ценностных идеологий в прикладные политические технологии, освоения инструментария политического маркетинга, социального программирования, замены партийной коммуникации средствами массовой коммуникации и информации, в современных обществах, которые принято считать демократическими, партии отнюдь не являются прямыми агентами демократии и все менее обременяют себя тесными связями с массами и представительством интересов различных социальных групп. По мнению П. Игнаци партии, отвернувшись от общества, двинулись в государство, чтобы получить от него больше ресурсов, в том числе для своих членов, становясь при этом заложником государства. Центр партийной власти переместился от рядовых членов к руководству и тем, кто занимает ключевые посты в государстве [2].

Анализируя эволюцию западных партий Р. Кац и П. Мэйр отмечают, что вследствие передачи части полномочий национальной власти технологической непартийной системе ЕС и ВТО партийная дифференциация стала ослабевать. Вопросы занятости, инфляции были выведены из компетенции национальных правительств, а, следовательно, контролирующих их партий. Идеологические различия фактически перестали быть предметом конкуренции, что открыло путь для кооперации партий в целях ограничения политической конкуренции и обеспечения собственного электорального успеха. Стали формироваться картельные партии [3].

На эти тенденции указывает и Глава белорусского государства

А.Г.Лукашенко: *«Мы видим, как на место партийных идеологий приходят дешевый популизм и грязные политические технологии. Партии просто порой в темную, а иногда в нарушение всех норм и принципов используют в политической борьбе для достижения своих корыстных интересов»* [1].

Закономерной реакцией на подобного рода партийную эволюцию стал беспрецедентный подъем право-популистских партий в странах Запада. Используя инструменты сетевой коммуникации, значительная часть граждан, оказавшихся вне сферы влияния традиционных политических институтов, постепенно начинают «вписываться» в совершенно новый политический ландшафт, включающий в себя «антиистеблишментские» партии нового типа [4], формируется политическая идентичность сопротивления, чему способствуют, в том числе, и современные технологические решения.

Сегодня принято говорить о том, что мировое сообщество находится в новой социальной реальности, возникшей в следствие интенсивного развития и внедрения во все сферы жизни человека информационно-коммуникационных технологий (блокчейн, искусственный интеллект, облачные вычисления, Big Data, интернет вещей). Некоторое понимание контуров этой реальности дают труды теоретиков постиндустриализма Д. Белла, Н. Винера, П. Дракера, М. Маклюэна, М. Кастельса, Э. Тоффлера, К. Крауча и др. В рамках общей теории постиндустриализма современный этап развития человеческой цивилизации они определяют как «постиндустриальное общество», «информационное общество», «электронное общество», «сетевое общество», «посткапиталистическое общество», «постдемократия», «общество постмодерна» и пр. Некоторые футурологи считают, что постиндустриализм – это пролог перехода к «постчеловеческой» фазе развития земной цивилизации.

Возникает вопрос насколько состоятельны попытки провести сравнительный анализ партий индустриального и постиндустриального обществ традиционными инструментами: семейство, идентичность, идеология, социальный базис, организационная структура и т.д. Имеет ли потенциал применения «лево-правый» спектр, классовая теория?

Направления трансформации постиндустриального общества

Предпримем попытку ответить на данные вопросы, предварительно коротко охарактеризовав социально-экономические и общественно-политические трансформации постиндустриального общества.

Как известно, в постиндустриальном обществе традиционные факторы производства – земля, труд, сырье, капитал – становятся менее значимыми, уступая первенство символическому знанию. Основным средством общения становится электронная информация. Центром притяжения капитала и людей выступают не заводы, а университеты, лаборатории. Основной формой собственности становится интеллектуальная собственность, важное значение приобретает человеческий капитал. Э. Тоффлер в этой связи

предсказывает появление нового типа работника, который в действительности не владеет средствами производства. Герой нового времени – не финансист и не менеджер, а новатор, который сочетает воображение и знание с действием [5].

По мнению Д. Белла, «основной класс в нарождающемся социуме – это, прежде всего, класс профессионалов, владеющий знаниями, а не собственностью. Он состоит из четырех сословий: научного, технологического, административного и культурного, которые могут конкурировать между собой» [7]. По сути, классы будут подменены профессиональными группами.

Рассуждая в данной логике Г. Попов предсказывал возникновение принципиально нового типа господствующего класса: «это не собственники, а бюрократы, что делает практически непреодолимым отрыв от социальной структуры» [8].

К. Крауч также указывает на упадок общественных классов, которые в свое время сделали возможной массовую политику. По его мнению, распространение электронных средств коммуникации и использование политехнологий приводят к возникновению замкнутого политического класса, которому в будущем для удовлетворения своих политических и экономических интересов уже не нужны будут партии в классическом понимании этого слова [9].

Диверсификация источников энергии, развитие Интернета-вещей наложившиеся на высвобождение вследствие автоматизации большого количества трудовых ресурсов (в том числе наёмных работников, занимающихся умственным трудом) будут способствовать появлению просьюмера (производителя для себя), размывая границы между обладателями средств производства и конечными покупателями, между рабочим местом и жильем. Большая часть работы переместится из фабрики и офиса на дом. Структура экономики будет представлять собой глобальную взаимосвязь локальных производств.

Характерной особенностью новой экономической системы является переход от массового производства к гибкому, приспособляемому или «демассифицированному». Благодаря новым информационным технологиям оно способно выпускать и реализовывать мелкие партии чрезвычайно разнообразных продуктов. На смену массовому рынку приходит масса мини-рынков, интегрированных в единую сеть.

Общество и корпорации (как его часть) переходят с единого синхронизированного ритма гигантского конвейера на гибкие индивидуальные графики и расписания, вынуждая компании и рабочие единицы взаимодействовать с большим количеством более разнообразных партнеров. На смену иерархии в бизнесе приходят многочисленные новые неиерархические (сетевые) организационные формы. Иерархия, в случае ее неизбежности, приобретает все более плоский и чаще временный характер. На смену

управленческого принципа единоначалия приходит матричный принцип управления, при котором у сотрудника есть один административный начальник и второй – функциональный.

Основными характеристиками сетевой формы организации общества становятся: непрерывная коммуникация, относительная открытость, отсутствие единого центра, включенность каждого участника сети, равноправие, ориентация на результат и эффективность, адаптивность к изменениям внутренней и внешней среды. Концептуальное единство, нефиксированное лидерство, автономия частей, аутсорсинг, максимальное персональное разделение рисков и выраженная креативность – основа сетевой организации [6].

По мнению Э. Тоффлера в постиндустриальном обществе принцип подчинения меньшинства большинству подвергается ревизии, поскольку информационное общество представлено сотнями малых групп и выделить большинство, имеющее единое мнение по одному вопросу, становится все более затруднительно [5].

Рассредоточение массового общества, несмотря на общую тенденцию на глобализацию, к тому приводит к его фрагментации. Эта особенность, по мнению З. Бжезинского, приводит к *краху старых верований*, связанных с национальными и идеологическими общностями людей, влечет слом всех традиционных идентичностей. Возникают сложности с определением доминантного метанарратива, позволяющего связать общественное разнообразие единым смысловым полем. Место идеологии занимают индивидуальные культурные предпочтения, стили жизни. В контексте общего тренда на демассификацию вероятно возникновение «мозаичной культуры» как противовеса «униформированной гомогенной массовой культуре». Г. Кан и Э. Винер прогнозируют глобальное распространение «ощущаемого искусства», ориентированного не на идейно-интеллектуальную содержательность, а на спонтанно-чувственное отношение индивидуумов к окружающей среде.

Дополняя теоретическую концепцию социальных расколов Липсета-Роккана, Р. Инглхарт указывает на вытеснение традиционного конфликта между «правыми» и «левыми» позициями, традиционно определявшими раскол между партиями, конфликтом между «материалистическими» и «постматериалистическими» ценностями. Вопросами первоочередного значения становятся вопросы экологии, качества жизни, гендерного равенства, самовыражение, «принадлежность», качество физического и социального окружения, а также увеличения роли индивидов в принятии решений как на общегосударственном, так и на местном уровне. [10, с. 296 – 298]. Суть зарождающихся социально-экономических трансформаций заключается в подчинении экономической функции социальным целям. Позиция избирателей по социальным и культурным вопросам получит приоритет над политическими и экономическими предпочтениями.

На смену идеологии как символической матрицы, по мнению А. И. Соловьева, приходит, «политическая рекламистика» – гибкий, динамичный, оперативный, игровой инструмент. Лидерство становится все более персонализированным, а путь к власти лежит через создание имиджа средствами массовой информации. В конечном счете, власть, которой располагают сети средств массовой информации, занимает второе место после власти сетей. Как отмечает М. Кастельс: «зависимость общества от новых способов распространения информации дает последним аномальную власть, приводит к ситуации, когда «не мы контролируем их, а они нас».

Политика постмодерна – политика различий, политика борьбы различных групп интересов, направленная на отстаивание индивидуальных, на этнических, гендерных, сексуальных различиях. Это отражается на характере политических объединений – они становятся крайне нестабильными. «Так, марксисты, феминистки, зеленые и гомосексуалисты могут оказаться в “нетесной” коалиции по одному вопросу, но с тем же успехом могут оказаться по разные стороны баррикад – по-другому» [11, с. 31].

В таком контексте важнейшей управленческой задачей видится организация человеческого сообщества, в котором сосуществует множество культур и народностей, утверждающих право на независимую частную жизнь. Социальные институты будут вынуждены функционировать в условиях постоянного согласования множества интересов и урегулирования конфликтов, расширяя или адаптируя соответствующий инструментарий. Модернизации должна подвергнуться и политическая (управленческая) сеть, преобразовавшись в сетевую систему множественных связей с обратным взаимодействием разнообразных агентов (субъектов) публичного управления, между которыми устанавливаются отношения сотрудничества, содействия, совместной ответственности и соответствующей культуры поведения с целью решения общих и частных управленческих задач на основе совместного использования и/или обмена принадлежащих им ресурсам» [12].

Особенности цифровой коммуникации

Воплощение в практике подобного рода управленческой сети становится возможной в условиях развития инструментов онлайн коммуникаций и широкого внедрения их в плоскость взаимодействия государства и общества. Преодоление с помощью электронного правительства и иных коммуникационных интернет-платформ территориальных, временных, информационных ограничений делает возможным возрождение прямой демократии на новой технологической основе, т.н. «облачной демократии».

Необходимо отметить, что сама по себе прямая демократия на основе облачных технологий оказывается на данный момент проблемой, поскольку реализация механизма подтверждения своего голоса (личности) при помощи электронной подписи в масштабах всей страны не является такой

уж простой задачей. При наделении всех граждан электронной подписью очевидно, что система столкнется с проблемой устойчивости. Кроме того, есть риск, что централизованный сервер или дата-центр, где реализуется хранение и обработка голосов могут подвергнуться DDoS-атакам хакеров. Ближе всего на практике к решению данных задач подошли в Бельгии и Эстонии. При этом необходимо понимать, что для решения ряда проблем с масштабируемостью и отказоустойчивостью им пришлось прибегнуть к технологии защищенных распределенных реестров.

По мере решения указанных проблем можем полагать, что интернет-сети обретут более серьезный потенциал по изменению формата отношений общества и власти, в котором механизмы влияния на принятие решений становятся менее централизованные, общественный контроль и неформальная экспертиза проектов приобретает массовый характер. Публичное обсуждение острых вопросов, сохранение права свободного входа и выхода участников дискуссий ограничивает авторитарные тренды. Новыми акторами публичной политики становятся сетевые структуры, блогеры, виртуальные приемные и др. Интернет-сети имеют потенциал формирования общественного мнения, проведения агитационных кампаний, в том числе политических, объединения последователей идей и конкретных людей. Здесь, как и в офлайн, могут возникать лидеры мнений, эксперты и даже мессии. Каждый человек может собирать голоса граждан или их делегировать экспертам по тем или иным вопросам – то есть быть своего рода человеком-партией.

Технология блокчейн позволяет организовать избирательный процесс анонимно через личные аккаунты, фиксируя каждую платежную операцию. Для этого каждый кандидат может получить электронный кошелек, а каждый избиратель – одну монету, которую необходимо будет перечислить на счет своего претендента. Победит кандидат, на счету которого оказалось больше всего монет.

Возможность обратиться напрямую к политическому лидеру либо должностному лицу, «в один клик» проконтролировать ход выполнения решений (по аналогии с отслеживанием процесса сборки и фасовки товара) и дать ему свою оценку, сокращает дистанцию между гражданином и представителями правящего класса, способствует росту доверия системе, удовлетворяет потребность в участии.

В свою очередь власть, анализируя цифровые профили граждан, аккумулируя запросы общества, получает в распоряжение инструмент, при помощи которого возможно в режиме реального времени предлагать решения актуальных проблем. Облачная демократия позволит в принципе отказаться от дискретных измерений общества (переписи, социологические исследования) и перейти к постоянному наблюдению и контролю за системой в целом и за каждым ее компонентом в режиме онлайн.

В то же время, очевиден тот факт, что государственные институты, допу-

ская относительно свободное общение в сети, могут ограничивать его политический потенциал, фактически обеспечивая неприкосновенность политических элит. Таким образом облачная демократия имеет вероятность трансформироваться в «электронный / цифровой авторитаризм» [13]. Данные тенденции будут подкрепляться стремлением людей к порядку в условиях нарастающей непредсказуемости будущего. Вполне просматриваются модели обществ, в которых индивидуализм ограничивается не нормами морали, религии, идеологии, а цифрой. Уже сейчас очевидно: человек, желая активнее социализироваться и пользоваться дарами современной цивилизации, готов без сожаления отказываться от части своей приватности, оставлять информацию о себе во множестве баз данных, которые рано или поздно станут доступны неопределенному кругу пользователей.

Трансформация политических партий

Будем исходить из того, что перечисленные и ряд иных аргументов способствовали появлению и оформлению идеи исчезновения партий как политического инструмента общества. Так, О. Тоффлер писал о том, что по мере своего развития средства массовой информации вытеснят политические партии, сделав их существование излишним, а американский социолог Д. Бродер даже опубликовал книгу «Конец партий».

Возникает вопрос, верны ли такие предположения для реалий постиндустриального, сетевого общества? В общем виде не согласиться с такими выводами позволяет понимание объективных внутренних потребностей человека в сообществе других людей, в структуре и в смысле. Только в сообществе человек побеждает одиночество, формируются эмоциональные связи между его членами, дающие чувство принадлежности к организации. Политические партии, наряду с семьей, церковью и др. создают на основе своих уставов и идеологий структуру жизни. И, наконец, человеку важно понимать, как его личная цель вписывается в более широкий контекст, в более общую организацию мира.

Менее категоричные суждения о проблемных перспективах политической партии затрагивают различные аспекты их трансформации.

Например, по мнению В. Волкова и Ф. Крашенинникова «партии фактически станут сообществами по интересам и теми площадками, где единомышленники могут выбрать из своей среды тех, кому они готовы делегировать свои голоса по определенному кругу вопросов. Партия становится чистой идеологией или программой, которую поддерживают люди. Никаких бюрократических структур не создается, партии возникают и исчезают по ходу судьбоносных дискуссий, которые идут в обществе» [14]. Схожего мнения придерживается А. Чедвик, выдвигая предположение, что под влиянием цифровой среды, трансформируется формат традиционной партийной организации, отвергая нормы иерархической дисциплины и привычную партийную лояльность, обновляя партии извне вовнутрь [15].

Идею, согласно которой цифровизация способствует становлению новой партийной модели, поддерживает П. Гербаудо, благодаря которому дальнейшее развитие получила концепция платформизации. Суть обозначенной концепции заключается в том, что в цифровую эпоху политические партии повторяют организационные принципы цифровых социальных сетей для масштабирования электоральной поддержки. В своей трактовке он формулирует критерии, которые позволяют определить партию как цифровую: интернет-сервисы (партия как «облако»), быстрый рост (партии как движения или «стартапы»), площадки для публичных дискуссий (партии как форумы) [16].

М. Кастельс отмечает, что политические партии исчезают как субъект исторических изменений, теряя свою классовую основу при этом обретая функции «управляющих социальными противоречиями» [12]. Вполне вероятно, что партии будущего будут представлены временными модулями, которые обслуживают меняющуюся конфигурацию меньшинств. Возможно, понадобятся «дипломаты» или «послы», чтобы посредничать не между странами, а между меньшинствами внутри каждой страны. В таком контексте политические партии будут выступать не инструментом сегрегации общества, а наоборот – инструментом его объединения, поиска общих оснований для сосуществования различных сообществ в условиях крайней дифференциации общества.

Например, К. Крауч прогнозирует переход политических партий от моделей, предполагающих наличие широкой социальной базы, к формату узких политических элит, стремящихся к достижению поддержки со стороны крупных компаний.

Моделируя типовую партийную систему постиндустриального общества, Г. Попов описывает политический треугольник постиндустриального общества в виде трех сторон: партия бюрократии, победившая на выборах, партия бюрократии «временно» оппозиционная и, наконец, партия «вечной оппозиции», партия антибюрократического большинства общества [8].

Резюмируя, можно отметить, что общие направления трансформации политический партий постиндустриального общества определяют следующие факторы:

- беспрецедентное развитие науки и технологий, влияние символического знания на систему распределения власти;
- возрастающая роль информационных потоков, диверсификация форм передачи информации;
- демассификация общества и его сетевая организация;
- разрушение прежних идентичностей, размывание классов и социальных групп;
- деконструкция идеологий, их трансформация в прикладные политические технологии;

– перенос политической активности на интернет-платформы и в медиа-пространство.

Учитывая данные факторы, предложим собственную систематизацию характерных черт политических партий постиндустриального общества в соответствии с методологией К. Джанды. Этот автор резонно определил, что «наиболее важные аспекты партий «схватываются» с помощью десяти понятий: институционализации, проблемной ориентации, социальной поддержки, организационной сложности, централизации власти, автономии, согласованности, вовлеченности, стратегии и тактики, правительственного статуса» [17] (Таблица 1).

Таблица 1. Характерные особенности партий
постиндустриального общества

Понятие	Определение понятия	Характерные особенности партий постиндустриального общества
Институционализация	процесс, посредством которого партии упрочиваются, приобретают значение и устойчивость, «материализуются в общественном сознании»	Институциональная эфемерность и институциональный плюрализм.
Проблемная ориентация	идеологические позиции, расположение на лево-правой шкале	Возникновение партий на основе политической идентичности сопротивления в целях решения неструктурных, чаще постматериалистических проблем.
Социальная поддержка	защита партиями социальных интересов определенных поддерживающих их групп.	В основе деятельности – защита и согласование интересов различного рода меньшинств, основанных на социокультурной идентичности.
Организационная сложность	сложность структурной дифференциации партии.	Организационная основа партии – цифровая платформа, обеспечивающая сетевую организацию горизонтальной коммуникации. Организационная структура – плоская, с минимальным бюрократическим аппаратом, обеспечивающим работу платформы. Принципы деятельности: внутрипартийная свобода, открытость, децентрализация, отзывчивость, подотчетность индивидуальность, доверие и кооперация. Дифференциация членской базы формируется на основе делегирования голосов профессионалам (экспертам).
Централизация власти	носители власти и ее распределение.	Власть в партии основана на нефиксированном ситуационном (экспертном) лидерстве и концептуальном единстве.

Понятие	Определение понятия	Характерные особенности партий постиндустриального общества
Автономия	структурная независимость партии от других институтов и организаций, действующих внутри или за пределами страны.	Финансовая автономия, с открытыми источниками пополнения членской базы, высокая степень интеграции в рамках проблемного поля в глобальное политическое сообщество. Высокая зависимость от модератора (администратора) платформы.
Согласованность	степень соответствия между установками и поведением членов партии.	Демассификация и фрагментированность общества способствуют высокому уровню фракционности и «нетесной» сплоченности.
Вовлеченность	глубина психологической идентификации с партией и стремление способствовать достижению ее целей путем участия в партийной работе.	В качестве мотивов партийного участия выступают повышение социального рейтинга, стремления к достижению личной выгоды, продвижение интересов меньшинства, групповая идентификация.
Стратегия	общий план достижения цели.	проектное управление
Тактика	деятельность партии по реализации плана.	Применяются комбинированные тактики: от политической активности в физическом пространстве (демонстрации, митинги, марши протеста), онлайн-практик прямого участия (электронное голосование, обсуждение законопроектов, сетевая журналистика, онлайн-активизм, подписание электронных петиций, краудсорсинг, краудфандинг, бенчмаркинг, цифровое волонтерство) до согласованных действий в рыночном пространстве (политический консьюмеризм, включая социально ответственное потребление).
Правительственный статус	отражает природу и степень участия партии в общенациональной политике.	Степень участия в политической борьбе ограничена экспертным (профессиональным) уровнем бюрократии.

Источник: составлено автором

Заключение и выводы

Можно предположить, что по мере распространения процессов цифровизации, эволюция политических партий будет происходить в направлении институционального плюрализма и институциональной эфемерности. Организационную основу партии составит цифровая платформа, обеспечивающая сетевую организацию горизонтальной коммуникации. Организационная структура будет представлена минимальным бюрократическим аппаратом, обеспечивающим работу платформы, с выраженной зависимостью от модератора (администратора) платформы, по сути – владельца партии.

Партийная дифференциация (стратификация) будет формироваться на основе делегирования голосов профессионалам (экспертам), наделяя их

нефиксированным ситуационным лидерством при сохранении концептуального единства. Профессиональным (экспертным) уровнем может быть также ограничена и степень участия в политической борьбе.

В основе возникновения цифровых партий – ориентация на неструктурные, пост-материалистические проблемы в целях защиты и согласования интересов различного рода меньшинств, основанных на социокультурной идентичности. Демассификация и фрагментированность общества способствуют высокому уровню фракционности и «нетесной» сплоченности партийного актива. Принципы деятельности: внутрипартийная свобода, открытость, децентрализация, отзывчивость, подотчетность, индивидуальность, доверие и кооперация.

Финансовая автономия обеспечивается на основе технологий фандрайзинга и / или краудфандинга с возможностью беспрепятственного пополнения членской базы и интеграции в рамках проблемного поля в глобальное политическое сообщество.

Адекватными мотивами партийного участия может стать повышение социального рейтинга, стремление к достижению личной выгоды, продвижение интересов меньшинства, групповая идентификация. Основная стратегия – проектное управление, которая реализуется с помощью гибких комбинаций тактических приемов: от политической активности в физическом пространстве (демонстрации, митинги, марши протеста), онлайн-практик прямого участия (электронное голосование, обсуждение законопроектов, сетевая журналистика, онлайн-активизм, подписание электронных петиций, краудсорсинг, краудфандинг, бенчмаркинг, цифровое волонтерство) до согласованных действий в рыночном пространстве (политический консьюмеризм, включая социально ответственное потребление).

Завершая исследование, однако, стоит оговориться. Сегодня вряд ли можно назвать хотя бы одну страну, общество которой полностью удовлетворяло бы академическим критериям постиндустриального. Скорее следует говорить о том, насколько то либо иное общество к нему приблизилось. Вместе с тем, приведенные выше предположения уже не кажутся излишне футуристическими, как, например, первые концепции постиндустриализма, хотя бы потому, что находят конкретное подтверждение в политической практике.

В самом деле, уже сегодня к официально зарегистрированным электронным партиям относят следующие: итальянское «Движение пяти звезд» (ИТ-платформа «Руссо»), испанскую партию «Подёмос» (программное обеспечение Loomio), Чешскую пиратскую партию (онлайн-форум), Пиратскую партию Исландии (сайт x.piratar.is), Партию пиратов Германии (программное обеспечение LiquidFeedback и интернет-форум Discourse) и др. [18], [19], [20].

Одна из первых концепций голосования на блокчейне была реализована датской партией Либерал Альянс (Liberal Alliance) в 2014 году. В том

же году австралийские биткойн-энтузиасты М. Кей и Н. Спатаро создали «Партию Течения» (Flux Party), Либертарианская партия США заявила о намерении использовать технологию блокчейн на выборах кандидатов на внутрипартийные должности в Техасе, а республиканская партия штата Юта использовала блокчейн в ходе голосования за кандидатов на этапе праймериз. В мае 2018 года партия «Яблоко» для своих внутренних выборов использовала блокчейн-платформу Polys, анонсированную «Лабораторией Касперского» еще в конце 2017 года [21].

Что касается Республики Беларусь, то говорить о партиях нового типа на сегодняшний день преждевременно. Однако анализ практик общественных онлайн коммуникаций в последние годы демонстрирует потенциал применения онлайн-активизма в политических целях.

Так, увеличиваются факты использования информационных платформ в целях решения вопросов общественно значимого характера (наиболее яркий пример – петиция за отмену т.н. Закона «Об отсрочках»), получен активный отклик граждан на общественное обсуждение Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь посредством платформы *parvo.by* и др.

В 2020 году пандемия стала триггером для спонтанной самоорганизации граждан, которые не были ранее аффилированы ни с прогосударственными общественными объединениями, ни с теми, которые находятся с государством в отношениях конкуренции и антагонизма. Ими активно использовались технологии краудфандинга, фандрайзинга, волонтерства и др. В силу неблагоприятной эпидемиологической обстановки общественно-политическая активность Беларуси в значительной степени переместилась из реальных площадок на виртуальные, а затем – трансформировалась в политический онлайн активизм.

Уже сегодня можно фиксировать некоторые элементы будущей сетевой формы организации белорусского общества, однако эфемерность и мобильность политических сетевых сообществ затрудняет их однозначную идентификацию. Одним из наиболее ярко проявившихся элементов сетевой коммуникации можно считать дворовые телеграмм-чаты, которые, по сути, являются современным аналогом первичных партийных организаций, где модератор чата выполняет функции идеологической «накачки» и политической мобилизации подписчиков.

По состоянию на 1 января 2021 года интернет-аудитория Республики Беларусь составляет 7,82 млн человек (проникновение 82.8%). 73% от общего количества пользователей сети заходит в интернет каждый день. Социальными сетями пользуется 41% населения (3,9 млн). 95% из этих пользователей используют соцсети с мобильных устройств. Общее количество мобильных абонентов в Беларуси – 11,696 млн (123%) [22], связь 4G в Беларуси доступна 89,4% населения [23].

Объективное движение Республики Беларусь по пути построения эко-

номики, основанной на знаниях и цифровизации различных сфер жизнедеятельности общества в дальнейшем будет стимулировать общественные изменения.

Характер общественно-политических последствий этих изменений будет зависеть от того, насколько, с одной стороны, традиционные политические институты смогут адаптироваться к новой реальности и внедрить перспективные практики партийного строительства [19], с другой – государство будет готово регулировать общественные отношения в политической сфере постиндустриального общества. Последнее потребует дополнительной регламентации политических процессов в медиа- и киберпространстве; определения правовых рамок осуществления различного рода онлайн-практик прямого участия; апробации и внедрения новых механизмов обеспечения правопорядка в сети; формирования подходов для регулирования новых технологий и решения связанных с их использованием этических вопросов. Ответы на перечисленные вопросы и будут задавать правовые рамки деятельности политических партий в будущем.

Список литературы

1. Совещание по вопросам деятельности политических партий в Беларуси // Президент Республики Беларусь : офиц. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-povoprosam-deyatelnosti-politicheskikh-partiy-v-belarusi>. – Дата доступа: 05.10.2019.
2. Игнаци, П. Партии и демократия в постиндустриальную эру / П. Игнаци // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 49 – 76.
3. Кулик, А. Трансформация партий в постиндустриальном обществе: кризис легитимности и ориентиры для политической системы России / А. Кулик // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 8 – 28.
4. Грабов, К. Правый и национальный популизм в Западной Европе / К. Грабов // Популизм как общий вызов / отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – С. 58 – 66.
5. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 776 с.
6. Коробейникова, Л.А., Гиль, А.Ю. Сетевые структуры в глобальном мире / Л.А. Коробейникова, А.Ю. Гиль // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013. – №4 (24). – С. 99 – 107.
7. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт соц. прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 1999. – 956 с.
8. Попов, Г. Парадоксы партийного строительства / Г.Попов // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/ideas/2000-06-29/8_paradox.html. – Дата доступа: 20.07.2021.
9. Крауч, К. Постдемократический мир корпораций / К. Крауч // Русский журнал [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Postdemokraticeskij-mir-korporacij>. – Дата доступа: 02.01.2013.
10. Inglehart, R. From Class-Based to Value-Based Politics / R. Inglehart // The West European Party System. – New York, Oxford University Press. – 1990. – P.266 – 284.
11. Grant, I.H. Postmodernism and Politics / I.H. Grant // The Routledge Companion to Postmodernism. – London; New York, 2011. – P. 25 – 37.
12. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
13. Кабанов Ю.А. Электронный авторитаризм институт электронного участия в недемократических странах / Ю.А. Кабанов // Полития. – 2016. – № 4 (83). – С. 36 – 54.

14. Волков, Л. М. Облачная демократия / Л. М. Волков, Ф. Г. Крашенинников. – 2-е изд. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2013. – 240 с.
15. Чедвик, Э., Строммер-Галлей, Дж. Цифровые СМИ, власть и демократия в партиях и избирательных кампаниях: упадок партии или обновление партии? / Э. Чедвик, Дж. Строммер-Галлей // Международный журнал прессы / политики. – 2016. – т. 21, 3. – С. 283-293.
16. Gerbaudo, P. The Digital Party. Political Organisation and Online Democracy / P. Gerbaudo. – London: Pluto Press, 2019. – 240 p.
17. Джанда, К. Сравнение политических партий: исследования и теория / Голосов Г.В., Галкина Л.А. (ред.) // Современная сравнительная политология. Хрестоматия – М.: Московский общественный научный фонд, 1997 – С.8 – 143.
18. Козлов, Н.А., Переведенцев, Н.А. Электронные партии: гибридная модель или эволюционный тип массовой партии / Н.А. Козлов, Н.А. Переведенцев // Русская политология. – 2020. – № 1 (14). – С. 139 – 152.
19. Долгих, Ф.И. Цифровые политические партии – зарубежный опыт и возможности его реализации в России. / Ф.И.Долгих // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – №. 4. – С. 56 – 60.
20. Шендик, Т. А. Об электронных средствах партийного строительства / Т. А. Шендик // Теоретико-методологические и прикладные аспекты государственного управления: материалы XVIII Респ. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, Минск, 21 марта 2014 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. Н. Рябовой. – Минск, 2014. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
21. Как голосование на блокчейне находит свое применение в политике и бизнесе // Хабр [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://habr.com/ru/company/wirex/blog/398125/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
22. В Беларуси количество абонентов мобильных операторов за II квартал 2021 года увеличилось на 1% до 11,696 млн – Минсвязи // Прайм-пресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://primepress.by/news/ekonomika/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
23. Связь 4G в Беларуси доступна почти 90% населения // БелТА [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belta.by/society/>. – Дата доступа : 20.07.2021.

References

1. *Soveshchanie po voprosam deyatel'nosti politicheskikh partii v Belarusi* [Meeting on the activities of political parties in Belarus]. President of the Republic of Belarus: officer. Internet portal of the President of the Republic. Belarus. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-deyatelnosti-politicheskikh-partii-v-belarusi>. – Data dostupa: 05.10.2019.
2. Ignatsi, P. *Partii i demokratiya v postindustrial'nyuyu ehru* [Parties and Democracy in the Post-Industrial Era]. *Politicheskaya nauka* – Political Science . 2010. №4. P. 49 – 76.
3. Kulik, A. *Transformatsiya partii v postindustrial'nom obshchestve: krizis legitimnosti i orientiry dlya politicheskoi sistemy Rossii* [Transformation of parties in a post-industrial society: a crisis of legitimacy and guidelines for the political system of Russia]. *Politicheskaya nauka* – Political Science 2010. №4. P. 8 – 28.
4. Grabov, K. *Pravyi i natsional'nyi populizm v Zapadnoi Evrope* [Right-wing and national populism in Europe] *Populizm kak obshchii vyzov* [Populism as a common challenge. Ed. red. K. Krouford, B.I. Makarenko, N.V. Petrov. – М.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2017. P. 58 – 66.
5. Toffler, E. *Tret'ya volna* [The third wave] .М.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2002. – 776 p.
6. Korobeynikova, L.A., Gil, A.Yu. *Setevye struktury v global'nom mire* [Network structures in the global world] .Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2013. №4 (24). P. 99 – 107.
7. Bell, D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: Opyt sots. prognozirovaniya* [The coming post-industrial society: The experience of social. forecasting] М.: Academia, 1999. 956 p.
8. Popov, G. *Paradoksy partiinogo stroitel'stva* [Paradoxes of party building].

Nezavisimoe voennoe obozrenie - Independent military review [Electronic resource]. Access mode: https://nvo.ng.ru/ideas/2000-06-29/8_paradox.html. Date of access: 20.07.2021.

9. Krauch, K. *Postdemokraticeskii mir korporatsii* [Post-democratic world of corporations] Russian journal [Electronic resource]. 2010. Access mode: <http://www.russ.ru/pole/Postdemokraticeskij-mir-korporacij>. - Access date: 02.01.2013
10. Inglehart, R. *From Class-Based to Value-Based Politics. The West European Party System*. New York, Oxford University Press. 1990. P.266-284.
11. Grant, I.H. *Postmodernism and Politics. The Routledge Companion to Postmodernism*. London; New York, 2011. P. 25 – 37.
12. Kastel's, M. *Informatsionnaya ehpokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*: Per. s angl. [Information Age: Economy, Society and Culture]. M.: GU VSHEH, 2000. – 608 s.
13. Kabanov Y.U.A. *Ehlektronnyi avtoritarizm institut ehlektronnogo uchastiya v nedemokraticeskikh stranakh* [Electronic authoritarianism institute of electronic participation in undemocratic countries] *Politiya*. 2016. № 4 (83). P. 36 – 54.
14. Volkov, L. M. *Oblachnaya demokratiya* [Cloudy democracy] L. M. Volkov, F. G. Krashenninikov. - 2nd ed. - Yekaterinburg: Cabinet Scientist, 2013. 240 p.
15. Chedvik, E.H., Stromer-Gallei, Dzh. Tsifrovye *SMI, vlast' i demokratiya v partiakh i izbiratel'nykh kampaniyakh: upadok partii ili obnovlenie partii?* [Digital Media, Power and Democracy in Parties and Election Campaigns: Party Decline or Party Renewal] / E.H. Chedvik, Dzh. Stromer-Gallei // *Mezhdunarodnyi zhurnal pressy i politiki*. – 2016. – t. 21, 3. – S. 283-293.
16. Gerbaudo, P. *The Digital Party. Political Organisation and Online Democracy* / P. Gerbaudo. – London: Pluto Press, 2019. – 240 p.
17. Dzhandan, K. *Sravnenie politicheskikh partii: issledovaniya i teorii* [Comparison of Political Parties: Research and Theory]. *Sovremennaya sravnitel'naya politologiya. Khrestomatiya* – M.: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 1997 – S.8 – 143.
18. Kozlov, N.A., Perevedentsev, N.A. *Ehlektronnye partii: gibridnaya model' ili ehvolyutsionnyi tip massovoi partii* [Electronic parties: hybrid model or evolutionary type of mass party]. *Russkaya politologiya*. – Russian political science. – 2020. – № 1 (14). – S. 139 – 152.
19. Dolgikh, F.I. Tsifrovye politicheskie partii – zarubezhnyi opyt i vozmozhnosti ego realizatsii v Rossii. [Digital political parties - foreign experience and opportunities for its implementation in Russia.] *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. – 2021. – №. 4. – S. 56 – 60.
20. Shendik, T. A. Ob ehlektronnykh sredstvakh partiinogo stroitel'stva / T. A. Shendik // *Teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty gosudarstvennogo upravleniya: materialy XVIII Resp. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh, aspirantov i studentov*, Minsk, 21 marta 2014 g. / Akad. upr. pri Prezidente Resp. Belarus'; pod obshch. red. A. N. Ryabovoi. – Minsk, 2014. – 1 ehlektron. opt. disk (CD-ROM).
21. Kak golosovanie na blokcheyne nakhodit svoe primeneniye v politike i biznese // *Khabor* [Ehlektronnyi resurs]. – URL : <https://habr.com/ru/company/wirex/blog/398125/>. – Date access: 20.07.2021.
22. V Belarusi kolichestvo abonentov mobil'nykh operatorov za II kvartal 2021 goda uvelichilos' na 1% do 11,696 mln – Minsvtyazi // *Praim-press* [Ehlektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : <https://primepress.by/news/ekonomika/>. – Data dostupa : 20.07.2021.
23. Svyaz' 4G v Belarusi dostupna pochtu 90% naseleniya // *BeLTA* [Ehlektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : <https://www.belta.by/society/>. – Data dostupa : 20.07.2021.